

— Милая, что стряслось? — Дюваль осторожно взял Анну за руку и посмотрел в чёрные глаза.

— Ничего, — Анна отвела бархатный взгляд и попыталась изобразить удивление.

— И всё же, — он улыбнулся, — тебя что-то беспокоит?... Уже второй день ты почти не ешь... У тебя что-то болит?

— Н-нет, — как-то неуверенно качнула она головой и по-прежнему старалась не смотреть ему в глаза.

— Не лги мне, пожалуйста! — он поднял её личико за подбородок. — Ведь ты сама когда-то просила меня об этом же, — вздохнул Дюваль и опять сказал, нежно привлекая к своей груди:

— Ты часто убегаешь куда-то ненадолго и возвращаешься в слезах. Ну, давай же, расскажи мне всё.

— Я... мне кажется, я больна, — выдавила Анна и всхлипнула.

— Что у тебя болит? — с тревогой Серж всмотрелся в её личико, которое и правда было бледным.

— Н-не знаю, но... меня часто тошнит и... мне противна любая еда... — призналась она.

— То есть, нет аппетита? — всё больше тревожась, уточнил он.

— Нет, есть я хочу, но... мне хочется совсем не того, что мы едим, — печально улыбнулась она и добавила: — Я бы сейчас скушала обычного хлеба... просто хоть сухарь, вроде того, который ты когда-то давал мне на корабле. Я знаю, ты скажешь, что я, скорее всего, что-то съела. Но нет! Я помню, что ты запретил мне брать что-либо в рот, не показав тебе. Я ничего не ела... Только то, что ел и ты... Но эта тошнота... она изводит меня вот уже несколько дней.

Внезапно Дюваль вздрогнул от пришедшей ему мысли, провёл рукой по лицу и опять спросил, стараясь голосом не выдать охватившего его волнения:

— А почему... ты давно не спишь за ширмой?

— Не знаю, — покраснев, Анна пожала плечами, — я должна была давно спать там, но... — она опустила глаза.

— Раньше ведь такого не было? — вдруг улыбнулся он.

— Никогда, — смутилась она ещё больше и попыталась отстраниться от него, но Дюваль удержал её.

И вдруг она подняла на него полные слёз глаза и спросила дрогнувшим голосом:

— Я... умру, да?

— Глупенькая, — Серж сильнее прижал её к себе, коснулся губами её волос, сжал худенькие плечики. — Конечно, ты будешь жить! Ты вовсе не больна!

— Но... тогда что со мной? — растерянно прошептала Анна.

— Девочка моя любимая, ты скоро станешь мамой, — тоже прошептал он, его лицо засветилось от счастья. — У нас будет ребёнок.

— Ребёнок? — эхом переспросила она и с недоверием взглянула в его глаза.

Увидела, что он буквально сияет, и уточнила:

— Наш ребёнок?

— Ну, конечно, — засмеялся Дюваль. — Разве ты не знала, что у любящих друг друга людей обычно бывают дети?

— Знала! Конечно, знала, но... — Анна не нашлась, что именно ей нужно сказать.

Её чувства и мысли смешались. Она была сбита с толку этим известием, свалившимся на неё, как снег на голову.

— Понимаю, — вновь засмеялся Дюваль, — для тебя это неожиданно?

— Да. А для тебя? — она изучающе посмотрела ему в лицо.

— Для меня нет, — широкая улыбка растянула его рот. — Я давно ждал этого. Но я думал, что ты сама сообщишь мне об этой восхитительной новости.

— Я не знала, — смутилась Анна и опять отвела взор. — Я ничего не знаю... как это можно... понять. Когда не стало моей матери, я была совсем ребёнком... Мне никто не рассказывал о таких вещах.

— Ангел мой, — прошептал Дюваль и нежно поцеловал смущённый ротик.

— Милый, и... что теперь нужно делать? — спросила Анна, глядя на него пытливым взглядом.

— Ничего! — засмеялся он. — Ровным счётом ничего! Просто надо хорошо кушать, не прыгать и не бегать... Ждать, когда он решит появиться.

— Я это почувствую?

— О, да...

Дюваль расхохотался, подхватил её на руки и понёс на берег.

— Куда мы идём? — с улыбкой спросила Анна, прильнув к нему, положив головку ему на грудь.

— Мы просто посидим на берегу, послушаем шёпот волн, — отвечал Дюваль и утопил её в тёмно-синем блеске своих глаз.

Они сидели у самой воды. Дюваль держал любимую на коленях, замкнув в кольце своих рук. Лёгкий ветерок, играя её локонами, щекотал ими лицо Сержа.

— Милый, как всё... странно, — печально улыбнувшись, вдруг сказала Анна.

— Что странно, девочка?

— У нас будет маленький... Знаешь, — она подняла на него глаза, — я совсем не знаю, что надо делать с ребёнком... А ты?

— Хм, — он широко улыбнулся, — я тоже... Признаться, я никогда не видел младенцев... Но... ты — женщина и... потом поймёшь.

— Мне... страшно... — призналась она, её голос дрогнул, словно что-то надломилось в нём.

— Не бойся! — Дюваль поцеловал её волосы. — Мы же вместе!

— Я... боюсь не только того, как он появится, — объяснила Анна, — мне страшно за него... Как он будет... здесь?

— Не думай об этом, милая, — прошептал Серж, целуя её глаза. — Надо верить, что всё будет хорошо.

Анна вздохнула и опять спросила, уже улыбаясь:

— А как ты думаешь, кто у нас будет — мальчик или девочка?

— О, — его лицо засветилось, — мне бы хотелось девочку, крошечную, хорошенькую, как её мамочка.

— Нет, — покачала она головой, — пусть будет сын. Тебе нужен помощник... Похожий на тебя.

Анна с улыбкой дотронулась пальчиком до его носа, очертив прямой профиль, скользнула по его губам, подбородку и спустилась к шее. Уткнулась лицом ему в грудь, раздвинула застёжку рубашки, прижалась губками, вслушиваясь, как бьётся его сердце.

— Любовь моя, — улыбнулся Серж, чувствуя, как его охватывает пламя, — кажется, нам пора

возвращаться в хижину. Ветер усиливается. Боюсь, приближается шторм.

С этими словами он поднял Анну и понёс домой. В который раз поразился её лёгкости — как пушинка. Сейчас это показалось ему особенно странным: он считал, что беременная женщина должна быть тяжёлой. «Впрочем, пока ничего незаметно», — улыбнулся про себя.

В хижине он осторожно опустил жену на ложе. Утонул в её взгляде, свет чёрных глаз был ярче, чем пламя свечи. Дюваль уже хорошо знал это выражение её личика, мягкое, со смущённой улыбкой и нежным горячим румянцем на щёчках. Она ждала его, изнемогая от желания оказаться в его объятиях, ощутить на своём трепещущем теле его поцелуи и сама утопить его в своих ласках. Их желания совпадали. Ещё на берегу он таял, чувствуя тепло её кожи, шёлк волос и осторожные робкие касания нежных губок на своей груди. Страсть росла в нём, окатывая тело жаркими штормовыми волнами. Когда Дюваль, скинув одежду, оказался рядом с Анной на постели, она уже тоже была раздета. Позволила прижать себя к нему и, чуть выгибаясь, протяжно застонала от его поцелуя. Ощувив, как маленькие мягкие ладошки опустились на его восставшую плоть, а тонкие пальчики обхватили её, Дюваль задрожал. Он буквально впился в ротик Анны, пронзив её влажные губки своим языком, и заскользил внутри, оплетая её язычок. И тот отдавался его напору, как отдавалась она сама, растворяясь в его руках. Потом его жадные губы заскользили по её шейке, переместились на грудь, заставив встрепнуться, ещё сильнее напрячься вершинками. Губы Дюваля втянули их в себя, словно пытаясь выпить свежий сок из упругих плодов. А всё тот же настойчивый язычок принялся ласкать маленькую выпуклую родинку на правой груди. Руки Анны потянулись к его волосам, пальчики зарылись в них и сильнее прижали его голову к себе. Красавица извивалась от его страстных ласк, полностью покорялась им.

— Любовь моя, ты моё чудо, — шептали губы Сержа.

А его глаза, кричали своё признание без слов, купая Анну в таинственном непривычно-тёплом тёмно-синем блеске.

— Мммнн, — слетал стон с её рубиновых губок, и они чуть слышно отвечали ему: — Я люблю тебя, мой пират...

С особой нежностью он ласкал животик. Розовенькая шелковистая кожа и трепетная ямочка всегда сводили Дюваля с ума. Но теперь к страсти примешивалось и совершенно новое чувство восторга оттого, что там, в сердцевинке этого молочного великолепия бьётся, растёт новая жизнь, крошечная частичка его самого.

— Милый, — вдруг шёпотом попросила Анна, глядя на него со смущённой улыбкой, — дотронься до меня здесь своим сокровищем, — она опустила ручку на свой пупок.

И Дюваль исполнил её просьбу, осторожно пощекотал маленькую ямочку распухшей и уже вставшей во весь рост «шпагой». Потом уложил жену на край кровати, раздвинул ей ножки и, встав на пол, как никогда мягко взял её.

На море бушевал шторм, завывания ветра и шум неистовых волн долетали до их хижины. Но двое счастливых до самозабвения предавались своей любви, не замечая ничего в этом мире. Весь мир заключался для них в их всепоглощающей страсти. Они одни во всём свете существовали сейчас друг для друга. Сила их чувства могла соперничать с силой бушующего моря. Последние содрогания, и на гребне горячей волны они оба взмыли до небес.

Насладившись друг другом, лежали, обнявшись, соединив губы в поцелуе, оставаясь единым

целым.

Шло время. Талия Анны округлилась, хотя её живот был небольшим, аккуратно выпирая маленьким арбузиком.

Когда её в таком виде впервые увидел Хименес, он деликатно опустил глаза.

— Да, друг, — улыбнулся Дюваль, — мы ждём ребёнка.

— Известное дело, — пробормотал тот.

И вновь Серж поймал себя на том, что ему не нравится этот человек. Нет, Хименес вёл себя безупречно. Однако Сержу всё время казалось — их сосед молчит не потому что привык к молчаливому одиночеству за долгие годы заточения на этом острове, а совсем по другой причине. Всё больше и больше Дюваль начинал убеждаться, что Хименес что-то скрывает. Потому и молчит, боясь выдать какую-то тайну. И тайна эта связана с Карлосом Блэком.

Однако от неожиданного соседа им была существенная помощь. В последние сроки беременности, Дюваль боялся надолго оставлять Анну. И Хименес стал приносить им рыбу. Впрочем, Анна почти не притрагивалась к ней, предпочитая птицу. И ещё она полюбила банановые лепёшки — изобретение Сержа. Увы, они почти ничем не напоминали хлеб, которого ей так хотелось, однако пришлось ей по вкусу.

Однажды Дюваль занимался возведением плетня вокруг хижины. Он решил, что эта изгородь совершенно необходима, чтобы отгородить хижину от берега. Вдруг он услышал, как охнула Анна. Одним прыжком оказался в доме и увидел, что она стоит, опираясь на стол.

— Что, что случилось? — он подскочил к жене и взял её на руки.

— Не знаю, — она как-то растерянно улыбнулась, но было видно, что её мучает сильная боль. Розовые губки побелели, и румянец сошёл с нежных щёчек.

— Тебе больно?

Она уже не смогла ответить, только кивнула и вымученно улыбнулась.

— Не бойся! — Серж скользнул губами по её волосам. — Сейчас... — он уложил её на кровать, снял юбку и панталончики. — Не бойся, любовь моя, — улыбнулся ободряюще, как-будто знал, ЧТО надо делать. — Всё будет хорошо... Я сейчас помогу тебе...

И она, поверив ему, закусила до крови нижнюю губку, расслабилась, распахнутым взглядом стала смотреть на мужа.

Серж и сам потом не помнил, что он делал. В его памяти осталось только то, что он думал и чувствовал в тот момент. От него зависели две жизни — его любимой девочки и его ребёнка. (Специально для ) Да, он ни черта не понимает в этих женских делах, но он должен — сомнения пусть летят в пасть морскому дьяволу! — должен что-то делать! Иначе он лишится самого дорогого, без этих двух ангелов его сердце разорвётся от горя. Вся прошлая жизнь показалась ему сейчас такой незначительной и пустой в сравнении с этим моментом.

Анна громко закричала, из её глаз хлынули слёзы, и тело содрогнулось от невыносимой боли.

— Кричи, кричи, моя девочка, — ободрил её Дюваль, — и тужься, тужься посильнее.

Он говорил что-то ещё, сам не придавая значения этим словам. Но для Анны, балансирующей на грани сознания, его голос был путеводной нитью, которая не давала упасть, сорваться в бездну. Его голос заставлял её жить.

Вдруг крик Анны сменился громким плачем ребёнка. И у Дюваля на руках оказался маленький красный комочек, перепачканный кровью.

— Сын! Любимая, у нас сын! — закричал Серж, его лицо преобразила улыбка, она была во всех его чертах, а из глаз выплеснулась на жену и окутала её своим мягким, светящимся тёмно — синим покрывалом.

— Посмотри, — он осторожно склонил младенца, поднося его к лицу Анны.

Тот дёрнул ножкой и попал по губам матери. Личико Анны, измученное, в бисеринках пота и слёз, сияло от счастья. Чмокнув крошечную ножку, она устало закрыла глаза, погружаясь в какое-то странное, доселе ей неведомое состояние полудремоты и полуборморока.

Анна открыла глаза и обвела взглядом хижину. Тело болело. Она сразу вспомнила, что произошло. Хотела позвать Сержа, но он сам вырос над ней.

— Любовь моя, — с улыбкой склонился к её лицу, — ты проснулась? Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо, милый, — Анна слабо улыбнулась. — А где... малыш? — тревога метнулась в её глазах.

— Тсс, — Серж приложил к губам палец, — он спит. За ширмой. Я поставил туда его колыбель.

Анна тихо, прикрываясь ладошкой, засмеялась.

— О, что тебя рассмешило? — удивился он.

— Сэр, я не поняла, зачем вы так ужасно ругались, когда пытались помочь мне? — в глазах Анны прыгали весёлые огоньки.

— Ругался? — не понял он и, к изумлению Анны, казалось, смутился.

— Ну, да. Ругался. Ужасными словами! Я даже и не думала, что бывают такие слова...

— А, это... привычка, — нашёлся Дюваль и улыбнулся. — Когда я... оказываюсь в тупиковой ситуации, я ругаюсь.

— Помогает? — усмехнулась Анна.

— Как видишь, — он склонился к уставшему личику и нежно-нежно поцеловал губки. — Спасибо тебе, моё счастье, девочка моя любимая! — прошептал тихо, боясь разбудить сына. — Я самый счастливый человек на свете...

— Мой любимый пират... — отвечала она.

(ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ)